

Сяргей Шапран

... гэтую лубоў да сваёй Радзімы, па сутнасці,
і не маглі дараваць ворагі і зайздросьнікі
вясцікага пісьменьніка...

«Але вось сябрам ня здраджвалі»

*Старонкі кнігі «Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця
ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах»*

Хаця на пачатку 70-х у лёсе Васіля Быкава абазначыліся
відавочныя перамены да лепшага (нават П. Машэраў адзна-
чыць гарадзенскага пісьменьніка падчас аднаго інтэрв'ю ў
цэнтральным друку — першы сакратар ЦК КПБ скажа, у пры-
ватнасці: «Можно назвать десятки произведений, таких, как,
скажем, «Глубокое течение» И. Шамякина, «Третья ракета» и
«Обелиск» В. Быкова, поэмы А. Кулешова «Знамя бригады»
и Р. Бородулина «Блокада» и целый ряд других, в которых
талантливо показан наш человек на войне, его мужество и
верность коммунистическим идеалам»¹), аднак менавіта ў гэты
час пачынаюцца рэпрэсіі да яго бліжэйшых гарадзенскіх сяб-
роў — Барыса Клейна і Аляксея Карпюка. «По разумению
наших партийных бюрократов, Быков самостоятельно не мог

*Працяг.
Пачатак
у № 6 (25),
і №1-6 (26-31).
Часопісны
варыянт.*

¹ Самая чудесная сила: Первый секретарь ЦК КП
Белоруссии П. М. Машеров отвечает на вопросы главного
редактора «Литературной газеты» / Инт. А. Чаковского // Лите-
ратурная газета. 1972. 26 июля.

так писать — он будто бы делал это под влиянием вредного окружения. И в Гродно началась беспощадная расправа с его друзьями. Первым наказали, лишив звания доцента, Бориса Самуиловича Клейна. [...] Из-за дремучей своей ограниченности местные руководители посчитали Клейна главным вдохновителем и виновником того, что Быков в своих произведениях так беспощадно правдив.

Клейну пришили антисоветизм. Подловили на фразах типа «консервативные и не способные ни к чему кремлевские руководители», «матерые сталинисты», которыми он пользовался на лекциях, и исключили из партии.

Член бюро горкома Геннадий А., непочтительно прозванный Генкой, отбирая билет, заглянул туда, где отмечают суммы партвзносов, и со злорадным удовлетворением объявил Клейну:

— Ого, и ему еще было плохо! Ну теперь ты, голубчик, получать столько не будешь, мы об этом позаботимся, будь уверен!»¹

Сам же Барыс Самуілавіч прыгадваў:

«Видимо, я не стал хорошим евреем, но когда в начале 1970-го развернулась кампания по разоблачению сионизма, как «родного брата фашизма», я соучаствовать в ней отказался. Произошло это так. Мне, как доценту-историку, предложено было выступить в газете «Гродненская правда» с открытым письмом, осуждающим Израиль, — по образцу тех, которые помещала московская «Правда», а вслед за нею и минские газеты. Ряд гродненских еврейских товарищей нужные публикации своевременно представили, а проректор пединститута доцент Фих выступил в «Советской Белоруссии» с особенно мерзкой статьей «Сионизм и фашизм». Прежде чем давать ответ, я посоветовался с женой и старшим сыном Александром (младший, Евгений, был еще маленьким), потому что отвечать за последствия пришлось бы и им. Обсуждались разные варианты, в том числе и компромиссные: например, написать, что у еврейского государства, как и у еврейского народа, имеются и недостатки, и достоинства (следует перечисление тех и других). Однако об этом в редакции и слушать не хотели: какая может быть отсебятина, когда требуется просто осудить, прямо отмежеваться от мирового еврейства, как подобает советскому человеку. И притом именно тем языком, каким выражается центральная печать. Тогда я уведомил редактора газеты Коласа, что не буду повторять за другими клевету на свой народ. Моего открытого письма так и не увидели в газете.

Друзья, Карпюк и Быков, были в курсе этой истории и считали, что хотя я прав, но поплачусь вдвойне: за личную строптивость и за то, что крепко подвел начальство. [...]

6 мая 1971 года бюро Гродненского горкома «поставило на мне крест». Обвинения предъявлены были мне достаточно тяжкие, как следует из постановления бюро: «Он (Клейн) подчеркивал необходимость борьбы против «сталинистов», против правящей группировки, которая как будто стремится вернуть старые сталинские методы, утверждал, что якобы в партии образовались два крыла: «сталинистов-догматиков» и демократическое крыло творческой интеллигенции».

Действительно, с последним и отождествляли себя мы с Карпюком, то есть поступали так, как будто уже выделилось социал-демократическое течение и нам дозволено было безнаказанно к нему принадлежать. Нечто подобное происходило тогда в Польше и Чехословакии, где оппозиционные силы прирастали «снизу», спонтанно увеличиваясь за счет примыкавших к ним групп. Но это не у нас.

Так думали мы с Карпюком, но Быков, надо заметить, не верил ни в какие

¹ Карпюк А. Прощание с иллюзиями: Хроника одного поколения // Нёман. 1993. № 5. С. 93.

«крылья» партии, говорил, что все одним миром мазаны, а если можно иметь дело, то лишь с отдельными людьми¹.

В том же документе можно прочитать: «В 1968 г. Клейн Б. С. выступил против предпринимаемых мер нашего правительства и ЦК КПСС по отношению к Чехословакии...» [...]

В справках же парткомиссий отмечалось, что Клейн называл руководство КПСС «группой вырожденцев», которые доведут страну до катастрофы. Утверждал, что «массы недовольны политикой партии, что у нас в стране нет демократии, свободы... Выборы в нашей стране — это ширма для прикрытия кучки карьеристов. Формами борьбы считал, в частности, подготовку статей, книг, брошюр, отправку писем в ЦК», подстрекал вовлекать в эту антипартийную деятельность население. «В лекциях Клейн проводил свои враждебные взгляды и допускал, как было подчеркнуто, «буржуазный объективизм». [...]

...Карпюку задолго до этого ставили в вину аполитичные выступления, и не только перед писателями. Быков же навлек на себя ожесточенные и не утихавшие кампании травли в печати... [...] Так что, для подведения нас всех под общую формулу обвинения материала было достаточно. Не составляло тайны, что за нами ведется интенсивное подслушивание, а некоторых стукачей мы знали в лицо [...].

Позже оба, Василь и Алексей, написали в воспоминаниях, что мы искали общую линию поведения и пытались построить какую-то самозащиту. Верно, мы пытались, только возможностей отпора у нас почти не было. [...]

После увольнения с преподавательской работы я долго ходил без места. Потом «направили» на городскую овощную базу, предупредив, что никуда меня больше в городе не возьмут. Редакциям как будто не отдавали формального приказа меня не печатать — они сами знали, как поступать в этих ситуациях. Случайно я узнал, как в журнале «Полымя» обсуждали участь одной моей большой статьи. Сотрудники редакции приготовились было изъять ее из набора. Дело дошло до Максима Танка, и тот, якобы, с сарказмом отозвался: «Ён жа яшчэ не арыштаваны, а вы ўжо... у штаны». Материал опубликовали [...].

К осени где-то там наверху, в Минске или Москве, посчитали, что я слишком легко отделался, и заработал новый механизм ущемления личности. Вполне сервильный ученый совет мединститута, где я уже и не числился, провел заседание без моего участия и внушительным большинством голосов постановил лишить меня ученой степени и звания. Соответствующее представление незамедлительно пошло в Москву, и 14 апреля 1972 г. там по этому вопросу собрали пленум ВАК (Высшей аттестационной комиссии), который единодушно решил: лишить»².

А. Пяткевіч прыгадвае: «Калі быў рэпрэсаваны Клейн, Быкаў адразу пазваніў мне: «Давайце сустрэнемся». Мы гулялі па вуліцы, у Быкава дрыжэлі рукі. Ён расказваў, якім менавіта чынам зьбіраўся матэрыял на Клейна — запісы размоваў рабіліся ў парку, у рэстаране, дома — запісвалі ўсюды!.. Мы доўга тады хадзілі. Як я разумею, яму проста трэба было выгаварыцца. Я першы раз бачыў Быкава такім разгубленым. Гэта мяне вельмі ўразіла. Ён вельмі перажываў. Клейн быў яго сябрам. Да таго ж Быкаў быў уражаны падрыхтаванасцю сістэмы да высочваньня людзей. Да гэтага часу ён нават не ўяўляў, што інфармацыю можна зьбіраць на-

¹ Пазьней Б. Клейн дадасць: «Но мысль-то была (высказанная не раз в нашем кругу и записанная подслушками), — что, хотя после 1968 года эта власть обречена, если с ней не бороться, то «кремлевские вырожденки» приведут всех к катастрофе. И погубят многих. Причем Василь был больше пессимистом на этот счет, чем мы с Карпюком. В позитивные перемены сверху он не верил. Он считал, что будут нас и дальше водить на цепи кругом, как «котов ученых» в сказке величайшего поэта» (З ліста Б. Клейна да аўтара кнігі ад 22 мая 2006 г.).

² Клейн Б. Недосказанное: Главы из воспоминаний. 2004. Рукопись.

столькі масіравана». Сам жа Быкаў успамінаў: «Когда я жил в Гродно, у меня был друг историк, защищавший кандидатскую диссертацию в Вильнюсском университете, его фамилия Клейн. Как-то он узнал, что его научный руководитель изгнан с работы, исключен из партии. Клейн ехал из Ленинграда в Гродно, между поездами в Вильнюсе, где жил профессор, у него было три часа, и он решил, что, наверное, стоит поговорить с ним, высказать свое сочувствие, утешить его. А профессор, от которого все друзья отказались, не ходили к нему, даже не здоровались, засомневался в чистоте помыслов своего ученика, заподозрил, что он подослан. Это для проверки меня, решил профессор, и, колебавшись какое-то время, пошел в КГБ и заявил о визите Клейна. И вдруг Клейн говорит мне: «Завтра меня вызывают в горком». Его долго не было, наконец появился и сообщает: «Меня исключили из партии». — «За что?» — «За перерождение». Обложили его после похода профессора в КГБ со всех сторон. «Понимаешь, какое дело, — говорил он мне, — все абсолютно точно изложено, все мои крамольные мысли, даже то, что я высказывал жене на кухне. Все записано один к одному, никаких натяжек». Потом стало ясно, что когда на верхнем этаже соседи уехали в отпуск, наблюдатели сняли паркетину и сунули один жучок в светильник в комнате, другой на кухне, напичкали ими всю квартиру. В течение нескольких месяцев все фиксировали»¹.

Дарэчы, праз дваццаць гадоў гісторыя Клейна стане сюжэтам быкаўскага апавядання «Бедныя людзі». Праўда, сам Барыс Самуілавіч уносіць некаторыя ўдакладненні: «Бедные люди» — это литературный факт, в котором ничего менять нельзя. Но если фактическая первооснова требует уточнения, то это нужно было сделать. Кандидатскую диссертацию я защищал не в Вильнюсском университете, а в Институте истории Академии наук Литовской ССР. Человек, написавший в 1970 г. донос на меня, Евгений Дирвеле, литовец из Вильнюса, был не профессором, а доцентом-историком. Он не являлся моим научным руководителем и, соответственно, я не был его учеником. После войны он, как и я, окончил Ленинградский университет, хорошо говорил по-русски, доброжелательно относился ко мне во время моих архивных занятий. В те времена для «чужака» в Литве это была не мелочь. Поэтому когда у него случились неприятности, я хотел морально поддержать его, был с ним откровенен. А он действительно заподозрил, что я к нему «подослан», и решил «опередить» меня своим доносом в литовский КГБ. Оттуда его обширное письмо, соответственно обработанное, переслали в Минск, а потом оно фигурировало в моем деле в Гродно.

Еще неточность. Делясь с Василем тем, что произошло во время рассмотрения дела, я не мог говорить, что у них «все записано один к одному, никаких натяжек». Обвинители по моему делу не ссылались на материалы тайных «прослушек», зато они цитировали упомянутого Дирвеле и других авторов письменных доносов. Также приглашались живые «свидетели», которые показывали то, что от них хотели услышать. Об использовании технических средств слежения становилось известно с течением времени»².

І яшчэ адна важная заўвага Барыса Клейна, якая датычыцца ўжо Быкава: «Калі біяграфія Карпюка выглядала “сумбурнай” і месцамі падазронай (вядома, на думку дазнавальнікаў), дык радавод Быкава быў беззаганым. Гаротнае дзяцінства на Віцебшчыне. Голад, холад – як і ва ўсіх вяскоўцаў. Вучоба. Няма да чаго прыдрацца. Ваяваў мужна, быў паранены. Паслужыў краіне ў афіцэрскім званні і пасялявайны. Адкуль тады, узнікала пытаньне, ягоная няскорная «шкоднасьць»?

Некаторым гэтае пытаньне не дае спакою і да гэтага часу. Няўжо не зразумела,

¹ Ришина И. Демократия улыбнулась Белоруссии. И ушла / Инт. с В. Быковым // Литературная газета. 1994. 22 июня.

² 3 ліста Б. Клейна да аўтара кнігі ад 17 ліп. 2006 г.

што ўсё гэта – ад вялікай любові да сваёй Радзімы. Гэтую любоў, па сутнасці, і не маглі дараваць ворагі і зайздросьнікі вялікага пісьменьніка беларускага народу. [...]

Адзначу, што нават у спавядальнай і найпраўдзівай кнізе сваіх мемуараў Васіль, з прычыны, аднаму яму вядомай, паказаў сябе больш хісткім і няўпэўненым, чым быў насамрэч. Калі гэта мае значэнне, прызнаюся, што ён здолеў нешта сур'ёзна змяніць і ўва мне. У ягонай прысутнасці немагчыма было хлусіць. Ён забіў ува мне сумненні і хістанні. Ён давёў мне значэнне чыстага сумлення перад вачыма вечнасці. Ён шматкроць гаварыў мне пра Камю, Сартра, і пэўны ўплыў экзістэнцыялізму, асабліва на раннім этапе творчасці, Быкаў сам перажыў...

Мне здаецца, што Быкаў цалкам паверыў мне толькі тады, калі ў мяне адабралі ўсё. І я ня бачу неабходнасці даказваць, што менавіта Быкаў зьяўляўся лідэрам нашай групы. Тыя ж, хто ігнараваў гэты факт, таксама разумелі гэта. І ведалі, хто ёсць хто»¹.

Між тым супрацоўнікі КДБ параяць Быкаву «не кантактаваць з Клейнам. Інакш, маўляў, разам з Карпюком падвядуць пад артыкул аб групавой антысавецчыне. Пакаранне ж за такое было жорсткім»². З таго часу сустрэчы Быкава і Клейна адбываюцца ўжо зрэдку. Апошні напіша: «Разьвіталіся мы з цяжкім пачуццём. З таго моманту нашы сустрэчы рабіліся нібыта выпадковымі, прылюдна мы не размаўлялі...»³ Хоць, як Барыс Самуілавіч даведаецца пазьней, Быкаў, жадаючы дапамагчы сябру, зьвернецца да сакратара ЦК па ідэалогіі А. Кузьміна, але тое было не ў яго моцы...

Праз дзесяцігоддзі Барыс Клейн узгадае падрабязнасці тых бязьлітасных часоў: «Помимо материальных лишений и моральной угнетенности, положение отщепенца усугубляется болью от резко изменившегося отношения окружающих. Пройтись по улице я еще мог с Карпюком, которого не страшили последствия. Принимали меня и немногие друзья: муж и жена Глучеки, Оффенгеймы. Но преобладали среди прежних коллег и знакомых «перебежчики», те, кто, завидев меня, перебежали через улицу, чтобы, упаси бог, не довелось здороваться. Я никого из них не осуждаю. Но и не оправдываю. Каждый делал свой выбор.

Жена спросила однажды проректора Гродненского мединститута Симорота, почему без всякого законного основания было послано в Москву представление о лишении меня ученой степени и звания.

— Нам так сказали, — ответил тот.

— А если бы вам сказали убить его, вы бы тоже исполнили?

Проректор пожал плечами:

— Вы что, не знаете, в каком государстве живете?

Второй секретарь Гродненского обкома партии Фомичев изъяснялся в обычной для него фарисейской манере: «Ученый может, он даже обязан иметь собственное мнение и дискутировать». Мне он также говорил:

— Вы правильно критикуете сталинские методы. К чему вообще столько шума, можно делать это все иначе, гораздо тише. — При этих словах Фомичев сжимал над столом пухлые руки, как бы стискивая чье-то горло.

Когда ему доложили, что я намерен выехать из Гродно и устраиваться на работу под Ленинградом, он мне настоятельно отсоветовал это делать: пройдет от силы три-четыре недели, и там, на новом месте, раздумают братья. А если все же возьмут, будет звонок отсюда, чтобы немедленно уволили. [...]

¹ Клейн Б. Недагаворанае: Разьдзелы з успамінаў // Дзеяслоў. 2004. № 10 (3). С. 190, 193.

² Клейн Б. Недагаворанае. С. 192.

³ Там жа. С. 192.

— Зачем вы вмешиваетесь? — спросил я у секретаря обкома, — ведь я не лишен свободы, даже не давал подписки о невыезде. А поскольку все у меня уже отняли, значит, я вам здесь больше не нужен.

— Нет, вы нужны, — возразил тот, и я навсегда запомнил его слова: — Вы будете маячить на гродненских улицах, как тень. Чтобы все видели, какая судьба ожидает того, кто пойдет против нас.

Против кого? — думал я. — ЦК, Госбезопасности, или, быть может, там были еще какие-то интересы?»¹.

І яшчэ адна вельмі істотная заўвага Б. Клейна: «Создавалось впечатление, что для полноты картины все же не хватало наших, уличающих других, признаний. Их у нас вымогали, но безуспешно. В справках парткомиссий отмечалось особо: «Нигде Клейн не расшифровывает, с кем конкретно вел антипартийные и антисоветские разговоры, кто разделял его взгляды». Ни в одном обвинительном документе в свой адрес я не встретил ссылки на уличающие меня хотя бы косвенные свидетельства Быкова или Карпюка. Людей без слабостей не бывает, и мы не исключение. Но вот друзей не предавали, от этого себя уберegli. Или Бог не допустил этого»².

Прыкладна ў той жа час спрабуюць выключыць з партыі А. Карпюка, — яго ўжо знялі з пасады сакратара аддзялення Саюзу пісьменьнікаў. Дарэчы, падчас разгляду справы Карпюка на пасяджэнні сакратарыяту СП БССР М. Ткачоў, у прыватнасці, гаворыў: «У рабоце тав. Карпюка дапушчана і шэраг іншых недахопаў — перавелічэння сваёй сакратарскай ролі ў жыцці аддзялення, адсутнасць самакрытычнасці, прынцыповай аб'ектыўнасці пры разглядзе твораў членаў аддзялення, імкненне надаць сярод грамадскасці галаснасць сваім памылковым выступленням». У сваю чаргу У. Гніпамёдаў сьцьвярджаў: «У аддзяленні склалася нядобрая творчая атмасфера, у чым вялікая віна Карпюка. На В. Быкава ніхто не нападае. Ён — таленавіты пісьменьнік, але пра разьвіццё яго, які кожнага таленту, трэба клапаціцца, дапамагаць яму пазбаўляцца ад слабых бакоў у творчасці. Гэтага чамусьці ня хоча зразумець Карпюк, калі размова ідзе пра творчыя недахопы таго ці іншага члена Гродзенскага аддзялення»³. Замест Карпюка Гарадзенскае аддзяленне СП БССР узначаліць Быкаў — з мая 1971 па люты 1978 г., праўда, часова выконваць абавязкі сакратара абласнога аддзялення СП пачне ў маі 1970 г.⁴, трэба думаць, без асобага задавальнення, паколькі яшчэ ў лютым 1970 г. Карпюк паведамляў у заяве на імя сакратароў СП БССР, што «ў Гродзенскім аддзяленні няма каго выбраць сакратаром (Быкаў і Бічэль адмаўляюцца наадрэз)»⁵. Але, як падаецца, кіраўніцтва беларускага СП ня вельмі давярае і Быкаву, паколькі, як напіша Васіль Уладзіміравіч у лісьце да Давіда Сімановіча ўжо ў студзені 1971 г., «по слухам, доносящимся из Минска, Гродненское отд[еление] планируют закрыть — не могут подобрать верного секретаря, которого в Гродно не имеется в наличии и вроде не предвидится в будущем»⁶.

Сам жа Аляксей Нічыпаравіч прыгадваў: «Сначала вызвал меня секретарь обкома по пропаганде А. И. Ульянович и поставил вопрос ребром: я, коммунист со стажем, думаю критиковать распоясавшегося Быкова за очернение советской дей-

¹ Клейн Б. Недосказанное. Рукопись.

² Там жа.

³ Пратакол № 10 пасяджэння сакратарыяту СП БССР ад 11 мая 1970 г. БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 187, арк. 146, 149—150.

⁴ Выпіска з загаду № 34 Першага сакратара праўлення СП БССР М. Танка // Асабістая справа пісьменьніка Быкава В. У. Захоўваецца ў Саюзе беларускіх пісьменьнікаў.

⁵ БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 187, арк. 151.

⁶ Сімановіч Д. Витебский вокзал, или Вечерние прогулки через годы: Дневники. Мн.: Асобны, 2006. С. 127.

ствительности или не думаю? Это первоочередной долг секретаря отделения СП БССР, или я деньги от государства получаю ни за что?

Я стал доказывать, что Василь никого не думает очернять и вообще не нуждается в подсказках. Что в его повестях не антисоветизм, а суровая правда жизни в сочетании с любовью к человеку и болью за Родину. Что Быков, хотя и беспартийный, пишет с чистейших партийных позиций. Что за ним будущее, поэтому его не критиковать следует, а выдвинуть на Государственную премию да еще дать квартиру. Секретарь обкома долго ко мне присматривался и что-то бубнил себе под нос. Наконец изрек:

— Еще и премию ему, ха! А за что? За то, что пишет? Пишем мы все — и я в том числе! А насчет партийности... мы в этих делах разбираемся получше! И с квартирой у него ничего страшного! Живет в коммуналке? Многие так живут!..

Подумав минуту, добавил:

— Значит, участвовать в перевоспитании Быкова отказываетесь. Что ж, пеняйте на себя. И с вами поступим так же, как с Клейном. Отделим вас от него! Лишим вашего влияния — опомнится и он!

И правда, вскоре узнаю: КГБ допрашивает знакомых, копается в моей биографии.

Снова стали придираться к жене на работе, а дочь песочить за участие в идейно вредном клубе, хотя она знала одну дорогу — из школы домой.

Предложили Максиму Танку, чтобы потребовал от меня заявление об уходе с должности секретаря отделения СП БССР.

За исключением «Нового мира», все редакции, как по команде, вернули мне рукописи.

Бумаги в Москве пусть полежат, а заявления от меня не дождетесь — дудки! Выдержит и жена, а у дочери еще вся жизнь впереди!

Честно говоря, я думал, как бывало не раз в жизни, — пронесет. Был уверен, что не освободят меня от работы. Мое же отделение — лучшее в республике, руководство мной не нахвалится, проводит у нас показательные совещания.

Оказывается, моя уверенность ни на чем не была основана.

Неожиданно создали секретариат СП БССР, и тот будто бы за развал работы уволил меня. Шесть секретарей, до сих пор относившиеся ко мне весьма дружелюбно, вдруг напали на меня с такой злобой, словно я у них увел жен, отнял последний кусок хлеба, сжег дом или покалечил внуков. Исключение составил седьмой секретарь — Янка Брыль, проголосовавший против¹.

Цяпер Аляксею Карпюку няма на што жыць у літаральным сэнсье слова. Быкаў напіша ў верасьні 1970 г. у лісьце да П. Кабзарэўскага: «У меня все слава богу, а вот А. Карпюк вот уже четвертый месяц без работы и без заработка. Пребывает в черном теле»².

Пасьля Аляксея Нічыпаравіч будзе ўспамінаць пра гэты беспрасветны час: «И вот потянулись недели, месяцы — без работы, без возможности печататься. Нарастала тревога. А тут еще первый секретарь горкома партии Могильницкий шепнул — завели на меня компромат и пишут справку для исключения из партии.

Наивные люди всей подоплеки не знали и пытались по-своему объяснить происходящее. В глазах людей мы выглядели чудовищами.

Поползли слухи, что Быков за свои книги получает доллары от американских резидентов.

На Бориса Клейна возвели поклеп, что он в Витебске выкопал золото, спрятанное отцом в то время, когда тот служил офицером у Деникина, а потом перевез в

¹ Карпюк А. Прощание с иллюзиями. С. 93-94.

² БДАМЛІМ. Ф. 31, воп. 2, адз. зах. 297, арк. 3.

Гродно, где і попался на махінацыях. Мол, пока што вылетел из партии, а вскоре предстанет перед судом.

Но больше всего фантастических баек пошло гулять обо мне. Способствовал этому секретарь горкома партии А. Могильницкий. [...] ..вдруг с трибуны стал говорить обо мне такое, о чем обычно пишут в приключенческих повестях. Он сообщил, что я сын матерого кулака и предателя Родины, в войну учился в берлинской школе диверсантов, а потом немцы заслали меня в партизаны, где я выдал карателям отряд. После освобождения, для маскировки, женился на дочери видного революционера (мой тесть — А. Ольшевский, расстрелянный сталинистами в 1937 году, был секретарем ЦК Комсомола Западной Белорусии [...]). А недавно по приказу ЦРУ я вышел из подполья и стал вредить Советской власти. [...]

Кампания травли вскоре принесла свои плоды. Быкову в очередной раз выбили окна. От меня и Клейна знакомые на улице шарахались, как от прокляженных. Никто больше мне не звонил, не писал, а школы, техникумы и рабочие общежития перестали приглашать на выступления.

Но мало этого, на улице я стал замечать за собой хвост. [...]

Украдкой встретились со мной молодые поэты Валентин Чекин и Олег Малашенко и рассказали, как их обоих работники КГБ затащили на тайную квартиру в городе и потребовали, чтобы они докладывали о каждом моем и Быкове шаге. А Малашенко, попавшегося на написании крамольного стихотворения, вынудили, насколько мне известно, написать объяснение, мол, в своем произведении он потому так резко высказывается, что сочинял его под влиянием моего выступления на V съезде Союза писателей БССР...

Одним словом, жили мы как изгои. Временами, словно заговорщики, встречались вдали от людских глаз и обсуждали — что же нам делать.

Наконец вызвали меня на допрос в КГБ»¹.

«Несчастья обрушились на Карпюка, словно каменный обвал в горах. Первым делом его отстранили от работы секретарем областного отделения СП БССР (с окладом 80 рублей в месяц), различные редакции разом отказали во всех публикациях, из издательских планов были выброшены все карпюковские книги. А тут еще пришлось положить в онкологию жену-учительницу, на руках безработного остались двое детей-студентов и дочь-школьница. Жить стало не на что, кормить семью было нечем. Время от времени писал заявления в Литфонд об оказании материальной помощи, но помощь оказывалась маленькой суммой раз в году. Другой помощи ждать было неоткуда. Руководство Союза писателей БССР заняло выжидательную позицию, явно поставив ее в зависимость от результатов апелляций Карпюка в партийные органы. Друзья... Ближайший из них, доцент мединститута Б. Клейн, был также исключен из партии и лишился работы, автор этих строк, будучи беспартийным, подвергся жесткому прессингу партийных и охранительных органов, включая мордобой руками уголовных элементов и вызовы на профилактику в республиканское управление КГБ»².

Аднак руку дапамогі Карпюку працягваюць Быкавы (і перш за ўсё Надзея Андрэеўна), якія не аднойчы пазычаюць сям'і Аляксея Нічыпаравіча грошы, і гэта ў той час, калі практычна ўсе адварнуліся ад Карпюка як ад пракажонага. Быкаў шукае розныя шляхі, як дапамагчы сябру, ёсцьць адно дакументальнае сьведчаньне — ён пісаў яшчэ ў ліпені 1970 г. да М. Ткачова, сакратара праўленьня СП БССР: «А. Карпюку патрэбна матэрыяльная дапамога хоць бы ў выглядзе

¹ Карпюк А. Прощание с иллюзиями. С. 94, 95.

² Быков В. В железной раковине: Об одной писательской судьбе // Литературная газета. 1990. 4 апр.

³ БДАМПІМ. Ф. 281, воп. 1, адз. зах. 140, арк. 2.

фінансраваньня з выпадку творчай камандзіроўкі. Калі гэта немагчыма зрабіць на яго імя, дык я прашу аформіць такую камандзіроўку на мяне. Вельмі прашу Вас аб гэтым»³.

Іна Карпюк гаворыць: «Они защищали друг друга в самые страшные времена. Это были настоящие отношения». Раней яна прыгадвала: «Если бы не Вася, мы бы не выжили с тремя детьми. Когда Алексею Никифоровичу два года не давали работать, он поддерживал нас материально. И сам, и Надежда Андреевна, и Ирина Михайловна, когда она появилась в его жизни. А ведь не было надежды, что мы сумеем когда-нибудь вернуть эти деньги. Так поступили лишь Быковы и профессор Яков Мараш»¹. І цяпер Іна Анатольеўна дадае: «Если бы не Васина семья, мы бы сгнули. Алексея ведь даже сторожем не брали! Тогда-то Вася и говорил: «Мы вам пазычим. Аддасьцё». Конечно, потом мы отдали, но если бы не это «пазычим»... Младшая была маленькой, а у нас не было даже 15 копеек на бутылку молока! Старшие дети учились в Минске, Москве. Вот так и жили. Только еще один человек не отвернулся от нас в это время — доцент Вадим Владимирович Барцевич, он по-прежнему здоровался со мной, причем делал это демонстративно: завидев меня, переходил на мою сторону специально, чтобы только поприветствовать. Конечно, это был подвиг с его стороны, поскольку тогда не здоровался уже никто... Вот Барцевич не предал. Он один. А так предательства были страшные... Никто не протянул нам руку помощи. Я не имею в виду, конечно, Клейна и Быкова, поскольку они ведь были субъектами этого дела, и поэтому если не здоровались с Алексеем, то с Быковым — тем более».

Дапамагчы сябру спрабаваў і Барыс Клейн, ён прыгадваў: «23 кастрычніка я зьярнуўся з лістом у яго абарону да Саюзу пісьменьнікаў — на імя Максіма Танка. Пісаў аб тым, што ўжо некалькі месяцаў Карпюк, галава сям'і з трыма дзецьмі, ня мае грашовых сродкаў на існаваньне, не прапануюць яму і адпаведнай працы.

У маім архіве зьярогся адказ, напісаны М. Танкам уласнаручна 30 кастрычніка. «Паважаны Барыс Самуілавіч! — пісаў Яўген Іванавіч. — Я доўгі час быў у камандзіроўцы і таму ня змог прасачыць, як абстаіць справа з Карпюком. Перад гэтым Мікуловіч (першы сакратар Гарадзенскага абкаму партыі. — Б. К.) запэўніў мяне, што абкам падшукае для яго работу... Хаця зазначыў, што каля дваццаці пасадаў прапанавалі Карпюку і ён ад іх адмовіўся... Па лініі Саюзу пісьменьнікаў усе сродкі дапамогі матэрыяльнай мы выкарысталі... «Дваццаць пасадаў», нібыта падабраных у Гародні для Карпюка, — яўная выдумка»².

Галоўная прычына, мякка кажучы, непрыемнасьцяў Аляксея Нічыпаравіча заключаецца, здаецца, у тым, што ветэран і пісьменьнік Карпюк, які ня толькі прайшоў усю вайну, але і дайшоў да Берліну, ня ўмеў маўчаць, калі трэба было казаць праўду. Сам пра сябе ён гаварыў яшчэ падчас V зьезду Саюзу пісьменьнікаў: «Мае словы, магчыма, будуць камусьці не да спадобы. Што ж, мне нічога не трэба. Як гаворыцца ў песьні: «Жила бы страна родная, и нету других забот!» Я стаю на сваёй зямлі, ды яшчэ каб не гаварыў на ёй такога, чаго думаў, то навошта ж тады жыць?!»³ Таго ж меркаваньня і Іна Анатольеўна: «Конечно, беды Алексея начались не с защиты Быкова. Просто это была одна из причин. Все дело в том, что Алексей, в прошлом командир партизанского отряда, чувствовал себя после войны победи-

¹ Инна Карпюк: Молодой Быков был не похож на свою прозу / Инт. А. Федуты // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2003. 27 июня.

² Клейн Б. Недагаворанае. С. 191.

³ З выступленьня А. Карпюка на V зьездзе СП БССР 13 мая 1966 г. Стэнаграма. Хатні архіў А. Карпюка. Аднак трэба адзначыць, што згодна стэнаграме, якая захоўваецца ў БДАМЛІМ, заканчэньне гэтага абзацу гучыць інакш: «Урэшце, я на сваёй зямлі. Я нікога не зьбіраўся тут навучаць. Проста хачу, каб і мае думкі ўліліся ў паток усхваляваных думак народу і паслужылі справе» (БДАМЛІМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 192).

телем. Все-таки до Берлина дошел! И что же, не может теперь на своей земле быть хозяином и говорить правду?!»

Дарэчы, Барыс Клейн прыгадваў у сувязі з прамовай сябра на зьездзе: «Он на своей земле вел себя по-хозяйски, а если кого критиковал, то невзирая на лица и чины. Шумную известность, даже за пределами СССР, принесла Карпюку его обличительная речь на съезде белорусских писателей 1966 г. Этой речи ему не простили никогда, ее поставили в один ряд с «подрывной пропагандой» пражских интеллектуалов»¹. Пазьней П. Машэраў упікне Карпюка менавіта за гэта — скажа падчас пасяджэньня бюро ЦК КПБ: «Мы слушаем дело о выступлениях Карпюка на съездах и пленумах СП БССР! Вы, товарищ Карпюк, если и видели что-нибудь предосудительное, должны были, как настоящий коммунист, в первую очередь прийти сюда и выложить, что наболело, а вы как поступали? Заберетесь на трибуну и устраиваете шум на всю республику! Я, бывало, привезу из Москвы гостей в Союз писателей, а Карпюк с Быковым и Адамовичем повывезут на трибуну да на приезжих все вываливают. А мне какво? Хоть сквозь землю провались!»² Машэраў скажа тое пасля таго, як у 1972 г. Аляксея Нічыпаравіча ўсё-такі выключачь з КПСС, больш таго, на яго паспрабуюць завесці крымінальную справу, згодна з якой той у гады вайны быццам быў завербаваны ў канцлагеры. Сам ён прыгадваў:

«Не обошлось и без подлых приемов.

Весной 1943 года за связь с партизанами мы с братом попали в лагерь смерти Штутгоф под Данцигом. В Штутгофе, как и во всех концлагерях на территории Германии, каждый арестант мог получить из дому посылку с продовольствием и деньги. Марки на руки не выдавали, записывали их на личный счет арестанта. [...]

Подполковник Фомин привез из Штутгофа фотокопию ведомости, согласно которой я получал в канцелярии три раза по двадцать марок.

— Карпюк в лагере состоял на службе у немцев! — сделал следователь вывод и стал заводить на меня уголовное дело»³.

Але ні Клейн, ні Быкаў не дадуць веры ў тое. І зноў Васіль Уладзіміравіч паспрабуе пашукаць аховы ў сакратара ЦК Кузьміна. Аднак дарэмна, Аляксандр Трыфанавіч заўважыць: «Галоўнае, там подпіс за маркі. А немцы дарэмна грошай не плацілі». «Аднойчы Быкаў нават паверыў у безвыходнасьць і канстатаваў наступнае: «Сядзеў ты ў польскай турме, нямецкай, цяпер упякуць цябе і ў нашу. Абклалі з усіх бакоў». Васіль нават дагаворваўся з расейскімі сябрамі-пісьменьнікамі, каб схваць Карпюка на некаторы час у псіхбальніцу — каб хоць так, праз знаёмых дактароў, здабыць сябру «ахоўную грамату». На гэта Карпюк не пайшоў, хоць, па яго ж успамінах, ужо думаў пра самазабойства»⁴.

Але падрабязней пра гэта распавёў сам Аляксей Нічыпаравіч: «Узнав о моих мытарствах, старый друг из Польши, бывший советский разведчик и автор многочисленных книжек Александр Омильянович, не стал сидеть сложа руки. Он тотчас отправился на своей машине в Штутгоф [...]. В музее раздобыл справку о том, что в лагерь можно было присылать деньги по почте. С помощью других польских писателей, соблюдая конспирацию, бумажку быстро переправил мне через границу, и Фомин остался с носом — главный козырь из его рук выбили. [...]

Однажды Быков сказал мне:

— Алексей, в «Новом мире» ждут, чтобы ты забрал свои рукописи! Почте не доверяют!

¹ Клейн Б. Недосказанное. Рукопись.

² Карпюк А. Прощание с иллюзиями. С. 108.

³ Карпюк А. Прощание с иллюзиями. С. 95-96.

⁴ Клейн Б. Недаговоранае. С. 192-193.

— А мне они зачем?

— Ты что?! Забери обязательно, когда-нибудь пригодятся!

Василь предложил добираться в столицу вместе [...].

...Меня, заинтригованного, Василь повел к своему другу — поэту Грише Куреневу. Там за журнальным столиком с чашечкой кофе в руке сидел главный врач психиатрички.

Нас познакомили. Тут и выяснилось — друзья мне подготовили спасение. Думали-думали и придумали. Теперь — дело за мной.

Выход был очень простым. Этот врач [...] брался выдать справку, в которой черным по белому будет написано, что я психически ненормальный. Не то чтобы совсем сумасшедший, а — неуравновешенный и не отвечающий за свои поступки. Мол, тогда сразу от меня отстанут и по партийной линии, и по судебной, и КГБ отвяжется, ибо согласно Конституции на психически ненормальных людей дело заводить никто не имеет права, и это, пожалуй, единственная норма, которая у нас неукоснительно соблюдается. А справки нечего стесняться: она будет написана латынью, понятной лишь специалистам.

Василь стал уговаривать:

— Алексей, соглашайся! Первый раз исключили из партии — ты отбился. Второй раз — доконали! Теперь жди — рано или поздно посадят, сценарий известен! Сидел в польской тюрьме, сидел в немецкой, улекут и в нашу, — они всё могут. Ну зачем тебе это испытывать под старость? А Инна твоя с детьми что делать будет? Обложили тебя, как волка, со всех сторон, и другого выхода нет!

Куренев добавил:

— В Москве так спасаются некоторые — ходят с подобными билетами в карманах и никто даже пальцем не смеет их тронуть! [...]

Жена его, Галя, начала загибать пальцы, перечисляя фамилии московских литераторов, которым уже таким образом помогли. По ее мнению, иметь такую справку лучше, чем ждать, пока на самом деле посадят в психушку, как генерала Петра Григоренко или ученого Жореса Медведева.

— Слышал, что Гриша с Галей говорят? — подытожил Быков.

Конечно, предложение друзей было от чистого сердца. Но я уже знал: на такое никогда не соглашусь.

Сложная натура человек. Казалось бы, возьми справку, возвращайся домой и издевайся над своими недругами — над тем же Ульяновичем, Фоминым, Могильничкиным и другими. Но я больше всего не люблю выглядеть смешным. Хуже смерти этого боюсь! Что, потом ходи с клеймом дипломированного придурка? А как глядеть в глаза жене, детям, родственникам, знакомым?! [...]

Врач, высокий худощавый мужчина в расцвете сил, рассказал, сколько в психушках сидит людей по политическим мотивам или из-за того, что не поладили с начальством. Это, как и впервые услышанная из Галиных уст весть о генерале Григоренко и ученом Медведеве, меня больше всего поразило. Кое-что доходило до меня из передач радио «Свобода», но я не верил ни одному иностранному слову — таким преданным был патриотом. И вот тебе на!

А врач продолжал свой рассказ:

— Знаете, у меня в одной палате сидит палач. Самый настоящий. Симулянт, конечно, но я держу его ради любопытства — хочу у него обо всем выспросить, а он на это идет. Василий Владимирович, не заинтересует ли он вас? Хотите, покажу того, кто при Сталине людей расстреливал? Предстанет во всей своей красе! Скажу вам, персонаж, достойный пера Чехова или Достоевского! [...]

Василь-чудак в больницу идти отказался — лишь скептически улыбнулся.

Напросился туда я. [...]

Вспомнилось, как вчера доктор говорил — достойный пера Чехова, Достоевского. Неправда. И при Сталине палачами были только никчемные душонки с убогим интеллектом.

Стало понятно, почему Быков не пошел с нами. Разговаривать с такой гнидой, представляя себе, скольких людей и каких среди них самородков вот эти поганые руки отправили на тот свет, — только сердце тревожить»¹.

Між тым пра той цяжкі для іх сям'і час сёння ўспамінае і Іна Анатольеўна: «Я как раз вернулась из Москвы. Алексей встречает меня:

— Пойдем пеша домой...

Идем.

— Ты знаешь, — говорит, — меня из партии сегодня исключили.

— За что?!

— Не знаю... Вот та-акую стопу документов достали!..

Мы-то, наивные, тогда верили... — ну, что я — тетка, у которой трое детей и которой суп надо варить! — мы верили, что можно где-то правду найти, поэтому и говорю:

— Прямо сейчас иду в горком!

Дело было уже к вечеру. В коридоре встречаю секретаря горкома А. И. Могильницкого. Мы жили в одном доме, и поэтому знали друг друга в лицо.

— Адам Иванович, что случилось? — спрашиваю. — За что вы его исключили?

— Сегодня день рождения Ленина, у меня нет времени — я должен делать доклад, — отвечает. — Приходите завтра к девяти.

Прихожу на следующий день. Могильницкий наказывает секретарше никого не впускать, сам дверь закрывает на ключ, открывает сейф, достает все до единой обвинительные бумажки и, не говоря ни слова, показывает мне (кстати сказать, знание содержания этих документов и позволили потом Алексею защититься). Даже показал ту бумагу, на которой были указаны двадцать марок и роспись Алексея. «Это немцы тебе платили, — сказали потом ему. — Ты — немецкий прислужник. Ни из какого лагеря ты не бежал — тебя немцы послали в партизанский отряд». (Кстати сказать, человека, привезшего из Германии копию этого документа — однако скопировавшего его не полностью, чтобы не было видно, что это были денежные переводы от матери Алеши, — Карпюк и Быков знали, это было ничтожное существо, он всегда присутствовал в зале, если Алексей или Вася выступали перед какой-либо аудиторией; в те годы часто выступали по линии общества «Знание», поскольку это был в том числе и способ заработка.)

Я только спросила Могильницкого:

— Адам Иванович, за что все-таки вы его?

— А пусть не выступает! Не критикует!

И — всё.

Тогда же спрятали всю информацию об Алексее — и что был командиром партизанского отряда, и что в армии служил, и что до Берлина дошел, и что ранен был у рейхстага и жил с одним только легким...

— Василь Владимирович знал, конечно, обо всех подробностях этого дела?

— Ну а как же. Но почему, я думаю, Алексея так спешили исключить из партии? Как только Быкова стали особенно третировать — дескать, клеветает на армию, принижает советский героизм, — разве ж мог Алексей смолчать?! Он выступал и на съездах, и на пленумах ЦК. Даже П. М. Машеров говорил: дескать, приедут гости-начальники из Москвы, а тут выходит Карпюк и начинает правду-матку резать!.. Это Машеров говорил на том бюро ЦК, когда В. Ф. Мицкевич предложил поддержать решение исключить Алексея из партии, однако в ответ Машеров заметил: «Так ты и меня сделаешь врагом народа. Я тоже был и в партизанах, и в плену, и тоже бежал...»

...Уже много лет спустя, в 82-м году, когда в Москве, в Большом театре отме-

¹ Карпюк А. Прощание с иллюзиями. С. 97, 98, 99-100, 102, 104.

чалось 100-летие со дня рождения Янки Купалы и Якуба Коласа, Мицкевич — он в то время уже в Кремлевской больнице лежал — специально приехал, чтобы увидеть Алексея и сказать ему:

— Алексей, прости меня!

Жизнь все-таки многомерна...»

А яшчэ перад тым Карпюк атрымлівае ананімнае папярэджаньне: «Уничтожайте самиздат!» і на ўсялякі выпадак «утопіць» некаторыя рукапісы, Клейн пазбавіцца ад артыкулаў з чэхаславацкай прэсы, на гэта Быкаў змрочна пажартуе: «Не хвалюцца... Калі яны прыйдуць, дык усё прынясуць з сабой»¹. Іна Карпюк прыгадвае: «Звонок о том, что надо уничтожить самиздат, раздался у нас в квартире. Самиздат — это и «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, и письма А. Солженицына (их было два — письма к IV съезду Союза писателей; одно исчезло во время негласного обыска у нас, другое до сих пор хранится), машинописный экземпляр книги А. Некрича «1941. 22 июня», «Теркин на том свете» (эта поэма А. Твардовского тогда по рукам ходила в Москве; а я даже в школу ее носила читать — какие же мы были глупые, не понимали, под каким наблюдением находимся!), даже автобиография Евтушенко была самиздатом... И вот этот звонок. Так Алексей, нагрузив целый мешок, пошел топить его в речке Городничанке».

У падрабязнасьцях распавядаў пра тое і Аляксей Нічыпаравіч: «А события лишь набирали размах. Однажды некий командирский бас приказал по телефону:

— Карпюк? Ты мне-то и нужен! Слушай внимательно! Спрячь самиздат! Спрячь немедленно и надежно! Вынеси из дому к чертовой матери, сейчас же, сию минуту! И бросил трубку.

Кто звонил? Провокатор, принимающий меня за дурака? Или доброжелатель?

Но времени на раздумья не было. Как только стемнело, я скорее толстые папки с рукописями Гинзбург, Бека, листы с выступлениями Сахарова, Некрича и все остальное запихнул в мешок и потащил, чтобы утопить в Городничанке. Спрятавшись за кустом, вытащил первую папку. Когда отдельными листками топил рукописи Бека и Гинзбург, во мне вдруг заговорила жадность. А зачем я все это уничтожаю? И копию письма Солженицына IV съезду писателей, присланную мне Александром Исаевичем, и умные мысли Сахарова, Лешека Колаковского, Некрича, стихи Мандельштама, Ахматовой и многое-многое другое? Минует эта напасть, и где я все это снова достану?

Мешок с оставшимися рукописями понес на окраину города к довоенному другу Мишке Гребенчуку [...]»².

Шмат пазьней Быкаў напіша ў лісьце да Іны Анатолеўны: «Я цяпер успамінаю, як мы жылі з ім у Гародні, і скажу, што добра і згодна жылі. Хаця (асабліва, як пачалося з Барысам [Б. Клейнам. — С. Ш.] прэсінг на нашу згоду быў страшэнны, так хацелася ім нас разьяднаць, каб, як шчанюкоў, прыдушыць упаасобку. Ды не атрымалася тое ў іх, хаця напсавалі нашае крыві нямала»³.

Сапраўды, не атрымалася — Карпюк прыгадае пасьля: «Это событие произошло в памятный для меня день — 2 декабря 1972 года — и впечатление оставило сильное. [...]

Нас, исключенных из партии, в приемной на пятом этаже всем известного здания в центре Минска собралось шесть человек. [...]

...Через пару недель после возвращения из Минска меня вызвали в горком и

¹ Клейн Б. Недаговоранае. С. 191.

² Карпюк А. Прощание с иллюзиями. С. 94.

³ З ліста ад 6 студз. 1993 г. БДАМЛІМ. Ф. 257, воп. 1, адз. зах. 467, арк. 1.

⁴ Далей ідзе размова пра абмярканьне справы А. Карпюка падчас пасяджэньня бюро ЦК КПБ на чале з П. Машэравым.

дали прочесть решение бюро ЦК КПБ. К моему удивлению, там снова были перечислены все мои мнимые преступления, а в конце стояло: ЦК оставляет меня в партии не потому, что нет причин для исключения, а ввиду моего искреннего раскаяния и признания ошибок. Захотелось зареветь — люди, где те ошибки, на бюро совершенно иначе ставился вопрос?! [...]

Так и взяли бюрократы надо мной верх»¹.

Цікава, што з цягам часу лёс некаторых мясцовых начальнікаў, якія імкнуліся паставіць крыж на Быкаве і яго сябрах, складзецца ня лепшым чынам, — на дзіва, пакараньне яны панясуць яшчэ пры жыцці. «Генка» [член бюро Гарадзенскага гаркаму. — С. Ш.] погорел на различных машинациях. От должности мэра города его освободили, сделали директором строительного комбината. Поняв, что это только начало, он однажды напился и выстрелил из охотничьего ружья себе в рот.

Могильницкий к тому времени выбился в прокуроры республики. Устроил другу пышные похороны, способствовал прекращению его уголовного дела, но вскоре погорел и сам на известном витебском деле, после которого его уволили с работы и исключили из партии.

А потом наш областной центр потрясло дело высокопоставленных охотников.

... Секретарь обкома партии Ульянович, начальник управления КГБ Кузнецов и заместитель председателя облисполкома Пронько были ко всему еще заядлыми браконьерами. Эти удалые молодцы поехали в Беловежский заповедник, чтобы разжиться к Новому году дичью. Напились до того, что в глазах у них начало двоиться и троиться. В результате один горе-охотник, целясь в кабана, загнал жакан в живот Ульяновичу. [...]

Всех «ворошиловских стрелков» Машеров тотчас уволил с работы.

В том числе и Ульяновича. Но, как метко заметил наш мудрый Кандрат Крапива, бюрократы по отдельности не живут, существуют только клубами. Вот и этот человек, имея много друзей, очень скоро добился помилования и стал заместителем министра культуры. А выйдя на пенсию, возглавил Музей истории Великой Отечественной войны»².

Іншы час быў ужо не за гарамі — калі антыбыкаўская кампанія мала-памалу пачала ісьці на спад, пакуль у рэшце рэшт не ператварылася ў сваю супрацьлегласьць. Валянцін Блакіт прыгадваў: «Аднак, мусіць, заўсёды ўсялякая кампанія разьвіваецца па сваіх унутраных законах: нараджаецца, разьвіваецца, дасягае кульмінацыі, ідзе на спад, канчае, ператвараецца ў сваю супрацьлегласьць. Іншага лёсу не магло быць і ў кампаніі па шальмаваньні Быкава. Да таго часу, калі воляю выпадку ці лёсу я апынуўся ў абласных калідорах улады, яна ўжо выдыхалася, набывала камічна-фарсавыя адценьні, і нават ідэалагічна вострыя чэхаславацкія падзеі ўжо ня ў стане былі надаць ёй новае дыханьне... Першае, што мяне ўразіла: у абкаме ніхто, за выключэньнем хіба некалькіх састарэлых артадоксаў з парткамісіі, усур'ёз ворагамі, ідэалагічнымі дыверсантамі Быкава і Карпюка не лічыў. Ні Грышкевіч, ні Ульяновіч, ні Мікуловіч. Дзіўна тады: чаму на кожным пленуме абкаму, гаркаму, райкаму, кожным партгасактыве, кожнай нарадзе, незалежна ад таго, што на іх абмяркоўваецца, пляжаць Карпюка і Быкава? Карпюк заўсёды фігурыраваў першы, паколькі быў членам партыі і ад яго патрабавалі больш, хоць амаль усе прэтэнзіі тычыліся твораў Быкава. Было ўражаньне, што гэта ледзь ці не нейкае паганскае заклінаньне, ледзь ці не нейкае шаманска-рытуальнае дзейства. І па лініі партыі, і па лініі Саветаў, камсамола, прафсаюзаў... І яшчэ ў мяне, свежага чалавека, было ўражанне, што ўсе

¹ Карпюк А. Прощание с иллюзиями.. С. 106, 107, 110.

² Там жа. С. 110.

разумеюць недарэчнасьць гэтага дзейства, але ніхто не асьмельваецца спыніць яго...

Рыхтаваўся пленум па сельскай гаспадарцы, дакладней — пленум па выкананьні рашэньняў чарговага пленуму ЦК КПСС. Пасьля таго, як першаму сакратару абкаму Мікуловічу спадабаўся падрыхтаваны мною тэкст пасланьня нашчадкам, якое ён зьбіраўся закласьці на Кургане славы [...], ён распарадзіўся, каб усе падрыхтаваныя яму даклады і ягоныя выступленьні [...] чытаў і правіў я. Дык вось, прыносяць мне на чытку сельскагаспадарчы даклад на старонак 60, у якім пасьля праблем штучнага абсемяненьня кароў і пастаноўкі задач агітатарам, лектарам, рэдакцыям газет і радыё па прапагандзе перадавога вопыту — як заўсёды, два абзацы прыкладна такога сэнсу: у той час, як пад кіраўніцтвам мудрай ленінскай партыі калгаснае сялянства ардэнаноснай Гродзеншчыны праяўляе небывалы гераізм і працоўны энтузіязм, пісьменьнікі Карпюк і Быкаў сеюць песімізм і нявер'е ў стваральную сілу і высокі маральны дух будаўнікоў камунізму, займаюцца ачарніцельствам, льюць вадугу на млын нашых ворагаў і г. д. і т. п. [...]

Рашуча выкрасьліў з даклада тыя два «карпюкоўска-быкаўскія» абзацы, даправіў тэкст да канца, аддаў загадчыку сельгасаддзелу і стаў чакаць, якая ж будзе рэакцыя. [...] Далажылі першаму. Той паклікаў мяне, нахмурыўся, спытаў строга:

— А чаго ты крытыку Карпюка і Быкава выкінуў?

— Якая ж гэта крытыка, Іван Фёдаравіч? Ды ўсё гэта падобна на конскае брыканьне. Колькі ж можна выстаўляцца людзям на сьмех!..

Першы паглядзеў уважліва, падумаў і нечакана сказаў:

— Ладна, і праўда, брыканьне... Ты і з майго выступленьня ў ЦК выкрасьлі таксама...

Адсутнасьць у дакладзе нават упамінку Карпюка і Быкава ў чыноўнага людзю выклікала лёгкае здзіўленьне... У чым-чым, а ў такой справе спрактыкаванаму, чуйнаму на павевы і нюансы ў настройх начальства чынавенству ня трэба паўтараць, разжоўваць, даказваць — усё хапае на ляту. І я з усьмешкай назіраў, як вопытныя выступоўцы з райкамаў, райвыканкамаў, вучоныя-аграрыі, нават разумныя старшыні калгасаў пачалі сьпешна выкрэсьліваць са сваіх тэкстаў абзацы. Карпюка і Быкава па-ранейшаму грамілі толькі радавыя прадстаўнікі калгаснага сялянства, выступленьні якім звычайна рыхтавалі інструктары райкамаў партыі, і выступоўцы мелі строгае ўказаньне: ні на слова не адступаць ад тэксту. З таго пленуму ў вобласьці фактычна спынілася дурная рытуальна-шаманская сьвістапляска вакол пісьменьнікаў. І на рэспубліканскім пленуме было заўважана і ўспрынята адпаведным чынам выступленьне гродзенскага першага... [...]

Памаленьку, са скрыпам ня толькі ў Гродне, а і ў Менску пасьля рашучых пісьменьніцкіх выступленьняў у абарону Быкава кампанія па цкаваньні пісьменьніка губляла энергію, глухла, выраджалася, хаця сям-там па інерцыі адыёзныя артадоксы і форменныя прыдуркі працягвалі «бараніць сьвяшчэнныя прынцыпы сацрэалізму ад Быкава і яму падобных»¹.

Аднак бараніць гэтыя прынцыпы ад Быкава працягвалі ня толькі артадоксы, але і тыя, хто павінен быў рабіць гэта згодна сваёй пасады. Тут дарэчы будзе прыгадаць расповед Ігара Залатускага: «Наша новая вистреча с автором «Сотникова» проишошла в Ялте, в Доме творчества писателей, осенью 1972 года. Мы приехали сюда почти одновременно и оказались за одним столом в столовой. Быков мало изменился, разве слегка отяжелел, лейтенантская стройность и выправка исчезли, а улыбка на его лице, так красящая его облик, появлялась все реже. Появились паузы молчания и долгого погружения в себя. [...]

¹ Блакіт В. «3 даўняй, гродзенскаю прыязнасьцю...» // Наш Быкаў. Мн.: Кніга, 2004. С. 87, 88-89, 90.

Дня через три после его приезда он пригласил меня к себе в номер и показал нечто такое, что сразу заставило меня понять, как нелегко ему живётся.

Несмотря на то, что был день, в номере горела настольная лампа. Быков подвёл меня к ней, посадил за стол и положил в круг света, падавший от лампы, почтовый конверт.

«Вот видите, — сказал он, — это письмо я получил сегодня». На конверте был написан адрес Дома творчества и фамилия получателя: адресован он был В. Быкову. Обратного адреса и фамилии отправителя на нем не значилось.

Василь перевернул конверт и попросил внимательно рассмотреть его изнанку. Я долго всматривался, но ничего обнаружить не смог.

«А вы смотрите, смотрите!» — настаивал он, и я, поднеся конверт ближе к глазам, увидел, что его верхняя часть — та, которой заклеивают письмо, выглядит несколько не так, как нижняя. Вверху бумага показалась мне шершавее, тогда как низ конверта был гладкий.

«Это значит, — пояснил Быков, — что письмо перлюстрировали, т. е. вскрывали прежде, а потом, проутюжив, отправили мне».

«И вы знали, что получите именно такой конверт?» — спросил я.

«Еще бы, ведь послал его и не далее, как два дня назад, именно я!»

Так он проверял, следят ли за его передвижениями или нет. Ответ был получен: следили. Не успел он появиться в Ялте, как соответствующие службы были предупреждены и взялись за дело. Но тут им не повезло — внутри конверта оказалась пустая открытка. Быков их переиграл. [...]

Позже Василь рассказал мне, как ему живется в Гродно [...], как бьют стекла в классе, где преподает его жена, как топтуны смотрят ему в спину, про подметные письма, угрозы по телефону, про вызовы в «органы». В его квартире был спаренный телефон. Это не доставляло ему никаких неудобств. Но вот явились непрошенные «электрики» и объявили, что поставят ему отдельный номер. Напрасно он отговаривал их это делать, ссылаясь на то, что ему и так хорошо, — они телефон распарили.

А дело заключалось в том, что спаренный с соседями телефон нельзя прослушать, отдельный же номер спокойно поддается прослушиванию.

Посмеялись на прощание «электрики» и добавили: «Теперь болтайте, сколько хотите!»¹.

* * *

6 студзеня 1993 г.

Дарагая Іна Анатоляеўна,

атрымаў Ваша маларадаснае пісьмо, якое навеяла і на мяне разам з успамінамі вялікі сум. Канешне, Аляксея і ягоны лёс — цяжкі, драматычны лёс беларускага пісьменьніка, надзеленага чуйным сэрцам. Аляксея меў усе магчымасьці, каб добра ўладкавацца ў жыцці, жыць бязбедна, зрабіць кар’еру. І калі ён не зрабіў таго, дык па прычыне свайго сумленнага сэрца, якое балела ня толькі за сябе ці за сваё. А яшчэ і за людское, за народнае. З тае прычыны і ўсе ягоныя беды, якія (я ўпэўнены ў гэтым) нарэшце і зьвялі яго ў магілу. [...]

...Пасьля Аляксея, канешне, засталася шмат папер — запісаў, чарнавікоў і г. д. Трэба іх больш-менш разабраць і здаць у літаратурны архіў у Менску, яны там прывядуць усё ў належны стан, і тое будзе захоўвацца для будучых дасьледчыкаў. І для гісторыі. Гэта ўвогуле важна. Цікавасьць і ўвага да А. Карпюка будзе з часам расьці, гэта пэўна. Як яна ўспыхнула да Л. Геніюш, што пры жыцці ніхто не хацеў заўважаць. [...]

З павагай і шчырасьцю

Васіль².

Працяг будзе.

¹ Падобнае пісьмо а. 0000 0000: 000 0000000 0 0000000 0000000 // 000000000000 000000. 2004. 23.02.9 0000.

² 0000 00 0. 0000000. 00000000. 0. 257, 000. 1, 000. 000. 467, 000. 1.